

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
№ 9–10 (45–46) сентябрь-октябрь 2000 г.**

И СНОВА О ДОКТРИНЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В прошлом номере бюллетеня уже поднимался разговор о Доктрине информационной безопасности. Не имея возможности увидеть этот документ, мы были вынуждены дать комментарий хотя бы к тем фрагментам, которые были обнародованы в доступных для нас источниках. И надо сказать, что принцип, согласно которому вовсе не надо есть весь бифштекс, чтобы сказать, что мясо несвежее, в данном случае полностью оправдался.

И вот теперь Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, подписанная 12 сентября Президентом Владимиром Путиным, стала достоянием гласности. И вновь в СМИ поднялся шквал противоречивых суждений.

Теперь, когда каждый желающий может ознакомиться с этой Доктриной, у читателей бюллетеня есть возможность самим определить, что в ней действительно способствует развитию информационной сферы России и защите информационных интересов граждан, а что представляет собой более или менее искусную маскировку интересов силовых и прочих ведомств. Для желающих узнать, что думают об этой Доктрине представители различных групп общественности, публикуем высказывания, появившиеся в российской прессе.

Экс-министр печати, один из авторов Закона "О СМИ" Михаил Федотов на страницах "Независимой газеты", анализируя Доктрину, одобрил ее положение о борьбе с монополизацией СМИ. "Действительно, бороться с монополизацией в сфере массовой информации нужно. Но не будем забывать, что главным монополистом здесь является государство", – сказал аналитик.

Газета "Известия", также критически подходя к Доктрине, говорит о том, что она делает российскую концепцию информационной безопасности похожей на северокорейскую, где все источники информации находятся в руках государства.

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов заявил, что "Доктрина – весьма неоднозначный документ, в котором за двусмысленными формулировками скрываются вполне определенные карательные возможности. Все зависит от потребностей власти. Этот документ настолько объемный и противоречивый внутренне, что требуется более тщательное ознакомление.

Та часть, с которой я ознакомился, не носит безальтернативный характер. Здесь есть вещи вполне грамотные и нормальные. Есть вещи, вызывающие опасения. Например, что такое "внутренний источник опасности" (стр.8)? Там же, через запятую: "необеспечение прав граждан, манипулирование информацией". Так необеспечение или манипулирование? Первое, по-видимому, относится к тому, кто писал эту Доктрину, второе – к тому, кто предоставляет информацию. А, между прочим, до сих пор не принят закон о праве доступа к информации. Поэтому тот, кто должен давать доступ к информации, исходит из собственных соображений – пускать или не пускать журналистов. Информация же, предоставленная журналисту в качестве факта, зачастую таким фактом не является.

С точки зрения воплотимости – неизвестно, сколько пройдет времени, пока эта Доктрина воплотится в закон и, если там есть положения, идущие вразрез со здравым

смыслом, у нас с вами еще есть время опротестовать их.

Что вообще такое "информационная безопасность"?

Вспомним Чернобыль – мы не были готовы, и мы были незащищены, поскольку отсутствовала подлинная информация о реальных масштабах катастрофы. Но мы повторяемся – история с лодкой "Курск" доказывает это. За 15 лет мы никуда не продвинулись.

На самом деле, эта концепция разрабатывалась четыре года. Разрабатывалась она в недрах Комитета по безопасности Госдумы РФ под руководством В. Илюхина. Потом к этому проекту подключился демократ Лопатин, который хотел защитить нас от опасностей и придумал в Госдуме подкомитет по информационной безопасности. Эта информационная безопасность, однако, очень понравилась нынешней власти и она, власть, смогла воплотить свои давно вынашиваемые идеи в доктрину. Джинн выпущен из бутылки.

Наша задача – очень внимательно прочитать Доктрину и всем вместе препятствовать бредовым идеям, хитро припрятанным за двусмысленностью формулировок". *(Из интервью Алексея Симонова издательству "Шпрингер". С развернутым комментарием Алексея Симонова можно познакомиться в газете "Новые известия" от 14 сентября 2000 г. и в пилотном выпуске пресс-дайджеста Фонда защиты гласности. Также на сайте www.gdf.ru можно прочесть статью Симонова об информационной безопасности, написанную за месяц до опубликования Доктрины.)*

По мнению зам. начальника отдела информационной безопасности аппарата Совета Безопасности РФ Сергея Родионова, нынешняя ситуация с развитием Интернета в России создает серьезную "угрозу навязывания Российской Федерации невыгодных ей условия участия в развитии и использования Интернета, монополизации российского сектора электронной экономики компаниями зарубежных государств...".

По его мнению, основной причиной является неопределенность политики России в области развития Интернета и взаимодействия в этой области с международным сообществом (и с этим трудно поспорить). Сообщается, что в качестве первоочередного шага по укреплению информационной безопасности дано поручение правительству РФ при участии Совета Безопасности страны и других не уточняемых "заинтересованных сторон" подготовить "с учетом национальных интересов РФ в информационной сфере" предложения по формированию государственной политики России в области развития и использования Сети. Во что это выльется, пока неизвестно. Но на примере телевидения можно догадываться.

Кстати, довольно подробно эту тему раскрывает "Радио "Свобода", приводя примеры Интернет–политики в таких государствах, как Китай, Югославия и Туркмения. (<http://euro.svoboda.org/ahive/hr/freedom/0900/II.091400-2.shtml>.)

Корреспондент газеты "Сегодня" Автандил Цуладзе опубликовал 19 сентября в своей газете материал под названием "Кремль рассматривает журналистов лишь как "орудие" информвойны", в котором отметил, что появление Доктрины информационной безопасности России – событие весьма симптоматичное. После десятилетия информационной открытости у "компетентных органов" накопилось довольно много претензий к государственной политике в этой области. Бурное развитие информационных систем действительно ставит на повестку дня вопросы информационной безопасности страны. Эта проблема осознается во всех развитых демократиях, и ничего нового в самой ее постановке нет. "Новизна" состоит в тех способах реагирования на вызовы информационного века, которые предлагаются в Доктрине. По мнению эксперта Центра Карнеги Андрея Рябова, "вполне естественное

стремление обеспечить безопасность информационных сетей перерастает в попытку контроля за содержанием информационных потоков, что совершенно нереально".

Ставка на огосударствление СМИ, подчинение их бюрократическому аппарату логично вписывается в общий план Кремля по захвату всего политического пространства. Такой захват невозможен без контроля над информационным пространством. Поэтому Доктрина, что называется, вполне в духе времени. За частокором деклараций о необходимости обеспечения конституционных прав граждан, заботе об интересах страны и т.д. вполне четко просматривается стремление воздвигнуть очередную информационную крепость. Авторы документа с болью пишут о закупках зарубежной телевизионной техники и средств связи, о технологическом отставании России от Запада, об угрозе вытеснения российских СМИ с российского же информационного рынка, об "утечке мозгов" и т.д. В документе перечислены все существующие и мнимые проблемы и угрозы, что делает его крайне расплывчатым и невнятным. Собственно, Доктрины создать так и не удалось. Зато удалось нарисовать апокалиптическую картину грозящих стране опасностей, которая может служить идеологическим оправданием "решительных" действий власти в этом направлении.

Авторы документа призывают к защите прав личности и прочим высоким идеалам, но при этом исходят из совершенно ложной посылки. Они убеждены, что "кто платит, тот и заказывает музыку", совершенно вынося за скобки профессионализм и личные убеждения журналистов. Последних рассматривают лишь как орудие в политической борьбе. Пришедшие во власть "государственники" считают, что "орудие" находится не в тех руках. Фактически, сейчас речь идет о замене частных владельцев СМИ анонимным государственным аппаратом. Как отметил в интервью "Сегодня" Андрей Рябов, "это выливается в попытку выстроить государственную информационную вертикаль". Правда, при этом происходит "подмена государства правительством или неким другим органом исполнительной власти". Таким образом, править СМИ будет группа чиновников. Причем делать это будет за счет госказны. То есть нами будут манипулировать за наши же кровные денежки. Хороша перспектива.

Надо также учесть информаппетиты других ветвей власти и ведомств. Почему Госдума имеет лишь один "Парламентский час", а не канал или хотя бы половину? А как же газеты? Были прекрасные времена, когда "Известия" принадлежали Верховному Совету СССР, "Труд" – профсоюзам, "Правда" – ЦК КПСС и т.д. Сегодня стало модным возрождать "то лучшее, что было в Советском Союзе". Так что лиха беда начало.

Конечно, в Кремле далеко не все разделяют подобные взгляды. Андрей Рябов считает, что "идея создания карманных полуоппозиционных информационных холдингов базируется на понимании того, что время подачи однообразной информации закончилось. У потребителей обязательно должен быть если не реальный, то хотя бы видимый выбор. Движение по пути наибольшего огосударствления СМИ не будет удачным". Это обстоятельство вселяет некоторый оптимизм. Однако было бы гораздо лучше и для общества, и для государства, если бы у граждан был реальный, а не виртуальный выбор. (http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Contents/2000_209_polit_text_culadze1.html.)

Олег Беляков ("Русский журнал") в материале "СМИ на оба ваших дома..." с изрядным ехидством пишет, что "после утверждения Президентом Путиным Доктрины информационной безопасности Российской Федерации с новой силой разгорелась дискуссия о роли и месте СМИ в обществе и соотношении их с президентской линией на укрепление государственности. По устоявшейся традиции либерально ориентированные политики и близкие им СМИ дружно увидели в самом факте принятия документа очередное ущемление вождя личностного беспредела, именуемого правами человека. В данном случае – права на получение, потребление, поглощение,

переваривание и выделение информации и прочих манипуляций с ней.

Беляков не спорит с тезисом о том, что каждый из нас действительно хочет и имеет (должен иметь) право получать объективные сведения о том или ином событии, а не только мнение медийной obsługi того или иного олигарха, колеблющееся вместе с настроениями или бизнес-интересами последнего. Но его волнует вопрос не столько о самом праве, сколько об ограничениях оногo. И вот тут–то начинается самое интересное. Так все–таки: имею или не имею? Например, право в красках наблюдать приведение в исполнение приговора о смертной казни (кстати, чечено–арабские борцы за свободу, равенство и братство с удовольствием снимали такие эпизоды, благо их "гуманный" суд давал достаточно материала для этого). Или даже проще: право на прямую и детальную трансляцию родов в ближайшем роддоме (можно без лиц)? И наоборот: право защитить себя и близких от такого рода "информации"? Чтобы не подумали, что я утрирую: а что, намного лучше ужасик о берцовых костях Примакова, показанный нынешним "страдальцем" за права медиакиллеров? Или кинопохождения "человека, похожего на..."?

Самое отвратительное в этом то, что кровь жертв катастроф и конфликтов, слезы их родственников, картины нищеты, бедствий и страданий стали обычным рекламным продуктом, объектом медиаспекуляций при достижении скрытых или прокламируемых целей. Причем подключение "человеческого фактора" стало нынче нормой не столько в традиционных целях (привлечение новых читателей/зрителей, демонстрация близости к чаяниям населения), но – с учетом трансформации медиумов во влиятельный фактор и даже субъект политики – в качестве инструмента политических сил.

Для любого человека вид страдающего соплеменника действительно может стать оправданием решительных действий против кого–то, возмущения действиями имярек или даже начала военных действий (эта безотказная штука была, например, до мелочей отработана при подготовке "гуманитарной" операции против Югославии; мало ли что потом финны с испанцами нарыли).

"Слеза ребенка" многократно мультиплицируется и ретранслируется, призванная – будучи донесена до каждого через его персональный "ящик" – послужить конкретным целям формирования того или иного общественного мнения, создания определенного настроения с искусственно заданными параметрами. Однако мы, как субъект права на информацию, должны тогда, по идее, иметь четкое представление о том, кто формирует данное мнение и каких целей он добивается. Нам же не говорят, что г–н Г. или г–н Б., будучи не в ладах с властями, демонстрирует вам свой взгляд на происходящее. Нет – нам показывают плачущих женщин и говорят: "Кремль лжет! лжет! лжет!... Только мы переживаем за каждого человека. А адмиралы только и думают, как утопить своих сослуживцев, и врут! врут! врут!...". А выводы как бы оставляют за нами. Например: "Долой Кремль. Норвежских водолазов в президенты".

Автор указывает, что в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации "обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны" отнесены к "первой составляющей национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере". И угрозы "конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России" отнесены к "угрозам информационной безопасности Российской Федерации". Иными словами, духовное обновление и нравственные ценности являют собой, по мнению авторов документа, составную часть информационной безопасности страны. Между тем, здесь если не обратная зависимость, то, по крайней мере, не более чем взаимовлияние двух вполне

самостоятельных (хотя и близких друг к другу!) сфер жизни общества и государства.

Беляков полагает, что, "должна быть оформлена своего рода концепция культурно–нравственной безопасности страны, и уже от нее можно будет отталкиваться при разработке доктрин информационной, экономической и иных безопасностей государства российского. Нет – это не только: где взять деньги на ремонт библиотек. Это – своего рода государственная религия, декларирование обществом целей и принципов, которыми должна руководствоваться власть (включая "четвертую") и общество, понимание того, ради чего мы все это затеяли, и что хотим передать грядущим поколениям. Однако это – и критерии, по которым можно совершить самое ужасное в эпоху глобальной демократизации преступление: ограничить права на распространение и потребление безнравственной, хотя и "жутко независимой" информации. Причем проблема касается всех сразу: от нее нельзя долго и целенаправленно уклоняться или откупиться. Пока папы делают деньги, телекиллеры (часто на папины же деньги), громя конкурентов грязными средствами, этим же воспитывают и их детей; и от них не спрятать любимых чад за заборами где–нибудь в Жуковке. Хакамада с Немцовым радуются, что уже практически выросло поколение, свободное от оков страха перед властью и уважения к ней же. Только как–то тревожно видеть этих абсолютно свободных людей, по поводу и без повода атакующих ОМОН на стадионах, с уже традиционным выламыванием стульев, давящих насмерть своих собратьев в упоении от вседозволенности. Есть некое ощущение, что, выдавливая из себя раба, они выдавили и царя из головы. И твердо знают, что если они и тварь – то уже вовсе не дрожащая..." (http://russ.ru/politics/events/20000920_belyakov.html.)

И в заключение этого обзора информация, переданная Радиостанцией "Свобода" 11 октября. Как сообщил ведущий итогового информационного часа Петр Вайль, российские региональные власти приступили к практической реализации Доктрины информационной безопасности, подписанной Президентом Путиным в сентябре. Уже 2 октября распоряжением губернатора Константина Титова при администрации Самарской области было образовано Управление по координации информационной политики и взаимодействия со СМИ. 3 октября начальник Управления координации информационной политики и взаимодействия со СМИ Валерий Лебедев рассказал самарским журналистам об основных задачах, поставленных перед ним губернатором Константином Титовым. По его словам, в работе нового управления будут две главные задачи: "Первая: адекватное информационное сопровождение социально–политических процессов, происходящих на территории Самарской области; и вторая: контроль за информационной безопасностью Самарского региона". Тема "информационной безопасности Самарской области" вызвала наибольший интерес у представителей масс–медиа. В свою очередь, Валерий Лебедев поспешил разъяснить самарским журналистам, что же в его понимании "информационная безопасность". По мнению Валерия Лебедева, информационная безопасность – это, прежде всего, предотвращение выхода в свет публикаций и прочих материалов СМИ, способных нанести ущерб Самарской области. Как сказал Валерий Лебедев: "Серия публикаций в центральных СМИ, скажем, о резком ухудшении криминогенной ситуации в Самарском регионе способна снизить рейтинг инвестиционной привлекательности нашего региона и, как следствие – привести к потере совершенно реальных денег, которые могли быть важны в развитии тех или иных предприятий".

Как рассказал Валерий Лебедев, сотрудникам его управления предстоит заниматься аналитикой и сбором информации из различных СМИ. Ежедневно на этой основе будет делаться анализ. Если критика в адрес местной администрации будет объективна, то эта информация будет передаваться в соответствующие департаменты для исправления ситуации и принятия мер, а если же критика будет несправедливой, то Управление координации информационной политики и взаимодействия со СМИ начнет работу с теми масс–медиа, которые публикуют информацию, порочащую Самарскую

губернию. Также в управлении планируется создать центр общественных связей, который будет сотрудничать с различными редакциями и творческими союзами. Самарские журналисты уже успели негласно переименовать Управление координации и информационной политики в "Министерство Правды". Более всего созданием Управления координации информационной политики обеспокоены самарские журналисты, занимающиеся политическими темами. Политический обозреватель газеты "Волжская Заря" Геннадий Сюньков заявил, что "скорее всего, независимые самарские журналисты будут вынуждены прекратить сотрудничество с местными изданиями и переключиться на центральные СМИ, потому что ситуация, когда каждое твое слово будет анализироваться на предмет того, что же ты приносишь своим творчеством имиджу Самарской области – пользу или вред, уже говорит о нарушениях свободы слова".

Аналитическая группа ПФ "КСДИ"